

КОНСЕРВАТОР ЗАХАРОВА

Вн. Москва. - 2000. - 15 иллюстр. - с. 6

Лада ЕРМОЛИНСКАЯ

— Я заметила, Саша, вы все время в белом...

— Действительно люблю светлые тона, а от голубого просто шалею. Даже от небесного цвета небоскреба, который построил Лужков возле памятника Багратиону. Особенно нравится мне цвет «перванж», такой потерто-джинсовый.

— Подбираете к цвету глаз?

— У меня серо-голубые глаза, а если надеть что-то голубенькое, они тоже становятся голубыми. Я не знаю, что надею завтра, но наверняка могу сказать, чего никогда в жизни носить не буду. Я, например, ненавижу морковный цвет. Не люблю химические тона, хотя они сейчас и в моде.

— Глядя на ваших героинь, поневоле вспоминаешь о том, что «баба — дура не потому, что дура, а потому, что баба». Можно сказать тоже самое про вас?

— Мой идеал — Янина Жеймо в «Золушке». Она прекрасна! Я думаю, что она действительно была такой. Нутро-то просвечивает... Поди сыграй в сорок лет так непосредственно и наивно! Можно разглядеть лицо и все время улыбаться, но это ничего не даст. В человеке всегда все видно — чего он стоит, что прошел, о чем думал.

— Будем считать, что вы ответили на мой вопрос... Вот мы разговариваем, а от вас не отстает очень милый фокстерьер. Животные к вам равнодушны?

— Однажды зимой ко мне прилетела мокрая несчастная ворона, мне ее стало жалко и я решила ее накормить. Правда, от хлеба она демонстративно отвернулась, и мне пришлось откусманить мясо от собачьего ужина. После этого она свила гнездо напротив моего окна, развела там детей... Так что я, можно сказать, подняла воронью семью. Но пришло время, дети выросли и разлетелись. А потом дерево спилили. Ворона в истерике кинулась ко мне: давай, мол, делай что-нибудь! А что я могу? Сухое старое дерево... Она прилетала еще пару раз, вероятно, чтобы проститься, и больше не возвращалась. Зато моей собаке двадцатого октября исполнилось пятнадцать лет. Мы посчитали, и оказалось, что по человеческим меркам это приблизительно сто пять. Для фокстерьера очень много! Самый настоящий юбилей.

— Саша, вы верите в судьбу?

— Моя бабушка любила повторять: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет». Я, кстати, недавно проверила этот тезис на практике. Мы в Геленджике с артисткой Алексимовой сдору решили искупаться. Погода была ужасная — дождь на море и шторм. Но мы полезли в воду! Когдаплыли туда, было еще ничего, об-

У актрисы «Ленкома» Александры Захаровой есть свой рецепт от уныния — она знает, что настроение надо создавать. Возможно, поэтому она всегда хорошо выглядит и даже в плохом настроении готова рассказать пару-тройку веселых историй.

ратно — не получается. Дольгить до берега не хватает сил. Я легла на волну, потому что если накроет — все, я плаваю плохо, а Алексимова решила поднырнуть — она думала, что хитрей. Так вот, она вылезла вся в крови, а меня вообще вытаскивали!

— Вы не любительница острых ощущений?

— Ни в коем случае! Я вообще консерватор и не люблю перемены — ни плохие, ни хорошие. Я люблю старые тапочки, старые улицы... Кроме того, я лентяйка. Женщина обязательно должна быть немнож-

ко ленивой, ну хотя бы иногда. Вот у мужчины другая задача — он добывает пропитание. А женщине надо время от времени полежать, почитать, помечтать...

— А детство любите вспоминать?

— Летом мы с родителями

были в Германии (Марк Анатольевич там лечится) и пошли в ресторан. А после ресторана спустились на первый этаж в магазин и увидели, что там продаются рубленые старомодные котлеты. И вот после омаров с креветками и какого-то изысканного белого вина мы купили по котлете и съели. Вкусней этой котлеты я ничего не могу вспомнить! Котлета как сигнал из детства. Моя бабушка готовила котлеты с луком, и это было что-то восхитительное! Она делала целую кастрюлю, и я, пока не уплетала всю кастрюлю, не могла успокоиться.

— Вам передались кулинарные способности бабушки?

— Мама очень вкусно готовит, а я совсем не умею и не люблю. И потом, я все время борюсь с килограммами, пытаюсь похудеть. Правда, при этом все время ем. Потом встаю на весы и удивляюсь: как это так, почему я не худею? Дело в том, что до спектакля приходится ходить голодной (нельзя играть на сытый желудок), поэтому пиршество начинается ближе к часу ночи. Так что у меня всегда гуляет два-три лишних килограмма. Хочется надеяться, что это мой единственный недостаток.

— Родители вас по-прежнему воспитывают?

— Никакой давилочки никогда не было, в детстве что хотела, то и делала. Хотела — ходила в школу, не хотела — не ходила. В итоге из десяти лет восемь прогуляла! Я в общем-то и профессию не выбирала, потому что выросла за кулисами. Как сейчас помню, родители взяли меня на гастроли в Кишинев. И вот мы с отцом идем по набережной, и я его спрашиваю: «В какой профессии женщина может стать знаменитой?» Он ответил: «Только в одной единственной». Вот и вся история.

— Скажите, наверное, непросто называть отца в театре по имени-отчеству и выслушивать сплетни в свой адрес?

— Сложно, но я перешагнула через это. Говорят про всех, гораздо хуже — когда молчат. Раз говорят, значит, опасна. Но не сказала бы, что у нас в театре какие-то особые интриги. Здесь работают замечательные известные и при этом глубокие актеры, а люди умные, как правило, не завистливы. И потом, неважно, кто ты — дочь, сын или сам по себе. Важно, что ты умеешь. Константин Райкин — сын великого Аркадия Райкина, Алиса Фрейндлих — дочь Бруно Фрейндлиха, Андрей Миронов был сыном очень известных артистов, Александр Лазарев, который работает в нашем театре, тоже продолжатель театральной династии... Все в конце концов становится на свои места.

Анатолий МЕЛИКОВ

15.11.2000

Захарова Александра